
Споры об этнической статистике во Франции¹

Ален Блюм, Франс Герен-Пас

Сегодня во Франции вопрос о правомерности учета этнической принадлежности в статистике широко обсуждается в средствах массовой информации, причем как среди ученых, так и среди политиков и членов общественных объединений бытуют на этот счет полностью противоположные точки зрения. Сам по себе этот вопрос не нов; он имеет весьма долгую предысторию, восходящую по меньшей мере к середине XIX столетия. Уже тогда в ходе международных статистических конгрессов французские статистики вели полемику со статистиками русскими и австро-венгерскими, обсуждая возможность создания такой классификации, которая позволила бы количественное сравнение разных этнических групп в пределах одной страны. Впоследствии споры эти утихли, и в статистике воцарился мир, продлившийся до 1980-х годов, когда на фоне обсуждения проблемы иммиграции (сколько иммигрантов проживает во Франции и какие именно?) старый вопрос вновь приобрел актуальность. Сегодня он встает даже более остро – как под давлением международных научных кругов определенного толка, представители которых стремятся получить данные об иммиграции во всем мире (и, особенно, в рамках Европейского союза), так и в связи с внутрифранцузскими дискуссиями о дискриминации, получившей название "этнорасовой". Мы постараемся обрисовать основные этапы этого спора, а затем покажем, каким образом сложились определенные переписные категории применительно к иммигрантам. Затем мы коснемся нового витка этой полемики в конце 1980-х годов и, наконец, опишем более подробно основные точки зрения на проблему, обозначившиеся в самое последнее время.

¹ Статья впервые опубликована в журнале *Ab Imperio*, № 1, 2007. Перепечатывается с согласия редакции. Вторая часть этой статьи была опубликована по-французски в журнале "Idées" (март 2007). Перевод с французского В. Мильчиной.

Экскурс в историю: международные статистические конгрессы

Споры об использовании в переписях этнических категорий и о критериях определения этнической принадлежности ведутся в Европе уже давно. Особую важность они приобрели в середине XIX века, когда на международных статистических конгрессах ученые – в большинстве своем европейские – попытались выработать для переписей и анкет единые формальные критерии, действительные на любой территории.

В это время на общественной сцене четко вырисовывались два противоположных полюса – с одной стороны, империи, с другой, такая страна, как Франция. На одном полюсе располагались Австро-Венгрия и Россия, представители которых полагали, что этническая (или национальная) принадлежность есть вещь первостепенно важная, неотъемлемый элемент традиции, которую статистика позволяет заострить и уточнить. Эти статистики были убеждены, что составление этнографических карт обеих империй, – несомненно прогрессивная мера, которой каждый должен в меру сил способствовать. Дело было только за тем, чтобы выработать в рамках проведения переписи или специальных этнографических опросов определенную методику, которая позволила бы учесть этнографическое своеобразие народов, каким оно виделось жителям Империи. На противоположном полюсе располагались французские статистики, которые, после периода колебаний, пришедшегося на первую половину XIX века, утвердились во мнении, что какая бы то ни было идентификация по этническому принципу должна быть отвергнута вообще, а особенно в переписях. Этой позиции, окончательно сформировавшейся в 1870-е годы, была суждена долгая жизнь; у нее есть немало сторонников и сегодня.

Аргументы, приводившиеся в дискуссиях XIX века, на первый взгляд очень напоминают те, которые использовались в связи с той же проблемой в 1980-е годы. Если в 1857 году, на Брюссельском международном статистическом конгрессе, было принято решение о включении в переписные листы пунктов о родном языке и вероисповедании, то уже на Венском конгрессе (1857) и конгрессе, состоявшемся в Санкт-Петербурге (1876), это решение вызвало самые горячие споры. В том, что на конгрессах, проходивших в столицах двух крупных европейских империй, вопрос об этнической принадлежно-

сти вышел на первый план и привлек всеобщее внимание, нет ничего удивительного. Каждая из империй стремилась использовать то обстоятельство, что конгресс проходит именно в ее столице, а сама она выступает в роли организатора, для того, чтобы уделить особое внимание статистике, получившей название этнографической, и таким образом связать две науки, которые, как считалось, нуждаются в сближении, – статистику и этнографию. Вопрос был не в том, существуют ли расовые и этнические различия между людьми (это представлялось вполне очевидным), но в том, следует ли вносить в переписи пункты, позволяющие учесть эти различия, и в том, способны ли эти различия оказывать влияние на природу государств. Иначе говоря, для австрийцев или россиян речь шла о наилучших способах учета и подсчета таких различий. Об этом можно судить по приводимым ниже отрывкам из двух особенно характерных выступлений: одно состоялось на Венском статистическом конгрессе, другое – на Санкт-Петербургском:

Когда несколько национальностей² сосуществуют в пределах одного государства, особенности каждой из них оказывают на общественную жизнь влияние, зависящее от развитости ее культуры, от числа составляющих ее индивидов, от обширности населяемой ими территории и от пропорциональности их расселения внутри страны.

Ни в одном европейском государстве этнографический элемент не имеет такого огромного значения, как в Австрии. Мало того, что эту страну населяют двенадцать разных национальностей, национальности эти принадлежат к четырем разным расам, которые, однако, находятся между собою в таком равновесии, что ни одна не превосходит другую особенно сильно. Итак, Австрия больше, чем любая другая страна, предназначена к развитию и совершенствованию этнографической науки, и я надеюсь, что этнографическая карта, работа над которой ведется последние шестнадцать лет, а также три тома сопроводительных текстов, которые, надеюсь, выйдут в свет еще до открытия Конгресса, докажут, что предмет этот занимает наши мысли уже довольно давно. Из крупных европейских держав лишь в России и Турции этнографическая ситуация может сравниться с австрийской (*Statistique des différences...*).

[...] Общественная и политическая жизнь в России отличается значительным разнообразием. На ее территории мы найдем все виды климата и все типы почвы, обнаружим равнины и горы, степи и леса, увидим множество племен, принадлежащих к разным расам и исповедующих разную религию; поэтому для статистика-демографа, равно как и для статистика-экономиста, Россия представляет интереснейшее поле деятельности. Первый с величайшей пользой сможет изучить на ее примере, как влияют физические особенности рас на рост численности населения, а различия в интел-

² Мы так переводим французское слово "nationalité" которое в XIX веке было близко по смыслу словам "народность" и "национальность".

лектуальном уровне – на проявления нравственной природы человека (Congrès international..., p. 75).

Противоположную позицию занимали в большинстве своем французы: не отрицая существования этнографических различий, они исходили из того, что, поскольку различия эти играют существенную роль лишь в некоторых государствах, изучения они не заслуживают. Кроме того, представители Франции, заботясь об утверждении французского единства, высказывались в том смысле, что различия между регионами не подлежат ведению статистики; в доказательство приведем, например, следующий обмен мнениями:

Г-н Левассер. Вообще чрезвычайно опасно усложнять проблему и навязывать международным статистическим исследованиям необходимость собирать сведения, полезность которых еще не доказана. Особенно это касается, как мне кажется, вопроса о национальности. Во всяком случае, для Франции польза включения этого пункта представляется мне почти совершенно бесполезной. Если мои оппоненты будут настаивать, я соглашусь на включение этого пункта только при условии, что он будет совершенно факультативным, а вовсе не общеобязательным. Только две или три нации в Европе состоят из представителей разных рас и потому нуждаются в сведениях о физиологических характеристиках людей, населяющих тот или иной район.

Г-н Юпп. Существует мнение, что во Франции, несмотря на многообразие диалектов, живут представители одной-единственной национальности. Полагаю, что это плод недоразумения. Просто во Франции слово "национальность" понимают иначе, чем в других странах.

Г-н Левассер. Во Франции действительно есть только одна национальность, хотя в наших провинциях говорят не только на разных диалектах, но даже – если рассмотреть западную Бретань или Нижние Пиренеи – на совершенно самостоятельных языках; если бы мы участвовали в работе Этнографического конгресса, я мог бы много рассказать об этом интереснейшем предмете, но здесь это было бы совершенно неуместно. Возвращаясь к вопросу о национальностях, скажу, что убежден: если мы дорожим практическими результатами, мы должны стараться не усложнять наши переписные листы и включать в них только пункты абсолютно необходимые и полезные. (Congrès international...)

Как нетрудно заметить, спор в данном случае идет прежде всего о критериях идентификации населения той или иной страны, причем орудием для идентификации служит то, что антропология XIX века именovala "расой" и что, следовательно, являлось одной из основополагающих парадигм антропологии. Главным объектом внимания антропологически мыслящих статистиков в любом случае оставалось коренное население, а не мигранты. Когда речь заходила о миграциях, разговор шел о мобильности, перемещении в пространстве, но вовсе не об этнографических или расовых характеристиках. Именно этим и объясняется различие французской и русско-австрийской точек зрения. Спор шел не между странами с большим числом иммигрантов и стра-

нами, иммиграцией не затронутыми, а между империями и национальными государствами. Именно так должны пониматься как позиция французских статистиков, так и из австро-венгерских и российских коллег. Этнографический вопрос в данном случае сводился к вопросу политическому, т. е. все дело было в разном политическом устройстве государств. Несколькими годами позже участник конгрессов профессор Вормс совершенно недвусмысленно укажет на политический аспект проблемы, на сей раз чтобы мотивировать исключение из анкет вопроса о вероисповедании:

Профессор Вормс. В этом отношении государства делятся на два разряда: с одной стороны, те страны, которые не то что не признают религию, как здесь было сказано недавно, но которые признают все религии без исключения; с другой же стороны, те страны, которые, к несчастью для себя и для своих жителей, проводят во многих отношениях, и в частности в отношении политическом, различия между расами. Так вот, в странах, входящих в первую категорию, никто не понимает, как можно принудить [...] людей информировать правительство о том, какую веру они исповедуют; что же касается стран второй категории, что там эта мера, по моему убеждению, окажется еще менее уместной, ибо лишь усугубит вражду, и без того, увы, более чем реальную. [...] Существует превосходная тенденция к ассимиляции, к слиянию различных национальностей и рас в пределах одного государства. [...] Это вовсе не означает, что невозможно проводить научные исследования различных рас. Но не будем забывать, что в данный момент мы анализируем эту проблему в совершенно определенном плане: мы говорим о тех сведениях, которые мы должны не только сообщать государству, но также собирать и регистрировать с его санкции (Congrès international de démographie..., p. 335, 338).³

Переписи во Франции: стабильность в метрополии и неустойчивая ситуация в колониях⁴

Одного взгляда на процитированные выше выступления достаточно, чтобы понять, что между спорами XIX века и современными дискуссиями нет прямой связи. Мало того, что изменились государства, о которых шла речь; изменился смысл употребляемых терминов и понятий. В частности, было юридически разработано понятие "гражданства", под "полезностью" того или иного подхода нынешние статистики понимают совсем не то, что прежде. И тем не менее именно в ходе тех

³ Congrès international de démographie // Annales de démographie internationale. 1878. 6-7. Pp. 335, 338.

⁴ См. более подробно: Blum 2001. Pp. 121-147.

старых дискуссий были выработаны основные пункты переписных листов, которые к концу XIX века сделались практически общепринятыми. Таким образом, пункты эти, рожденные в давнем споре двух противоположных лагерей, однажды закрепившись, дошли до наших дней почти без изменений. Между тем они имеют первостепенное значение для понимания современных споров.

Французская традиция рассмотрения этого вопроса состоит в том, чтобы все более и более жестко отличать французских граждан от иностранцев, причем первых относить всех без исключения к единой и единственной нации, а для вторых определять с максимальной юридической точностью их гражданство (Noiriel, 1992). Иначе говоря, главными категориями статистического изучения стали "иностранец" и "гражданин". В то же самое время укрепление концепции светского государства и принятие законов 1889 года о гражданстве, закрепивших в его основании "право почвы", привели к появлению в переписных анкетах целого ряда вопросов, которые стали непременным их атрибутом с конца XIX века (Goussef, 1997, p. 121-147; Simon, 1998, p. 541-568).

Начиная с 1872 года из переписных листов был окончательно исключен вопрос о вероисповедании, и главные усилия организаторов переписей сконцентрировались на прояснении понятия "гражданство" – в частности, за счет отнесения подлежащих переписи иностранцев в отдельную категорию (Goussef, 1997). В первой половине XIX века вопрос о гражданстве либо не ставился вовсе, либо задавался в весьма расплывчатой форме. Впервые вопрос о гражданстве появился в документах переписи 1851 года. Однако списки граждан, опубликованные по ее итогам, сохраняли большую неопределенность, поскольку юридические критерии гражданства смешивались с политическими. В 1872 году вопрос о гражданстве наконец оформился в той формулировке, какую с незначительными изменениями он сохранил и доньше.

Собственно, вопросов этих в переписных листах было два. Первый касался места рождения: коммуна и департамент – для родившихся во Франции, колония (до 1946 года) – для родившихся во французских колониях, и страна – для всех людей, родившихся вне Франции. Второй касался гражданства. Главное изменение этот вопрос претерпел в 1891 году; оно было связано с законом 1889 года, основанном на "праве почвы". В 1891 и 1896 годах на вопрос о гражданстве предлагались на выбор три варианта ответа: "от родителей – францу-

зов", "получил французское гражданство", "иностранец – указать нацию". С 1901 года набор вариантов принял следующий вид: "рожден французом" (или "француз по рождению"), "получил французское гражданство" (или "француз в результате натурализации", а начиная с 1946 – "француз в результате брака, декларации или выбора гражданства"), "иностранец – указать страну происхождения" (начиная с 1946 года – "указать гражданство"). Пункты эти практически без изменений сохранились в переписных листах до сегодняшнего дня, изменились разве что некоторые мелкие детали формулировок. Единственное важное изменение – появление в 1962 году дополнительного вопроса о первоначальном гражданстве для натурализовавшихся французов.

Таким образом, главной характеристикой человека постепенно стала его юридическая принадлежность к числу французов или иностранцев – пусть даже выделение натурализовавшихся французов в отдельную категорию не вполне вписывается в эту логику. Связано такое положение дел прежде всего с тем, что в течение всего XIX века на вопрос о природе гражданства четкого ответа дано не было. Составители переписного листа интересуются страной, откуда родом отвечающие, если они не граждане Франции, однако ни о каких этнических особенностях французских граждан в анкете не говорится ни слова. Вопросы, связанные с мигрантами, также не вносят ясности, поскольку о дате въезда на французскую территорию спрашивали жителей Франции не всегда, а только в ходе некоторых переписей (в 1968 и 1975 годах) и не всех, а только тех, кто приехал во Францию в период между двумя переписями. В 1999 году главной новацией стало введение в переписные листы пункта о дате приезда во Францию лиц, которые там не родились, вне зависимости от того, в какие периоды они въехали во Францию (до или после предыдущей переписи). Таким образом, до 1999 года иммиграция воспринималась точно так же, как и любая внутренняя миграция, а не как весьма специфическая разновидность миграций, пусть даже время от времени ей посвящались в переписных листах особые, уточняющие вопросы. Перемены 1999 года способствовали более дифференцированному подходу и отделению международной миграции от миграции внутренней.

Из сказанного ясно, что традиция, зародившаяся в XIX веке, имела весьма долгую жизнь. И в следующем столетии к иммигранту, как только он навсегда переселяется во Францию, продолжали применять те же критерии, что и ко всякому другому индивиду, т. е. происхождение не становилось основанием для выделения его в отдель-

ную категорию. Конечно, в спорах об иммиграции, которые велись с начала XX века и вплоть до периода после Второй мировой войны, часто всплывали этнические коннотации. Они, в частности, встречались у тех, кто считал нужным отличить "хороших" иммигрантов от "плохих", "способных к ассимиляции" от тех, кто к ней не способен (Verteaux, 1997, Р. 37-51). Авторы от Жоржа Мокко (Maucou, 1932) до Альфреда Сови (Sauvy, 1954) выделяли среди населения определенные этнические группы, к которым предлагали применять специфическую миграционную политику. Однако все это не приводило ни к введению переписных категорий, ни к радикальным изменениям в практике общегосударственных публичных опросов.

В основе такого подхода лежало принципиальное стремление утвердить равенство всех и каждого в ходе переписи. Традиция эта выдержала испытание временем, однако применение тех же принципов в колониальной империи натолкнулось на серьезные трудности – здесь вопрос о гражданстве коренных жителей не решался столь же легко. Перепись в колониях превратилась в статистическую операцию, учитывающую, среди прочего, и этнические признаки.

Таким образом, французская верность традиции дала трещину, лишь только дело дошло до переписи тех, кто населяет колонии. При переписях населения в колониях широко использовались такие категории, которые в европейских странах были бы сочтены этническими. Подтверждением здесь может служить пример Алжира (Kateb, 1998; 2002). В ходе переписей, проводимых в Алжире, постепенно формировалось представление о мусульманском населении как об однородной этнорелигиозной группе, резко отличающейся от "французского" населения, которое также воспринималось как однородная группа, куда постепенно включаются представители всех прочих европейских народов, поселившиеся в Алжире. Конечно, в 1830-е годы, сразу после колонизации Алжира, военные принялись подробнейшим образом описывать разные племена, встреченные ими, и выделять среди них многочисленные этнические группы: мозабитов, арабов, кабиллов и проч. Однако после того как территория Алжира сделалась составной частью Франции (что, впрочем, вовсе не превратило коренных жителей во французских граждан), вся классификация постепенно свелась к противопоставлению туземцев-мусульман, с одной стороны, и европейского населения, с другой.

В 1850-е годы зародилась и стала укрепляться идея постепенного формирования алжирской "расы" – плода слияния различных евро-

пейских народов, колонизирующих эту территорию. Поскольку идея эта легко могла стать основой сепаратистских настроений, французское правительство устранилось возможных негативных последствий, и в 1865 году был принят сенатус-консульт, согласно которому всякий европеец, проживший в Алжире по крайней мере три года, мог стать гражданином Франции, а по закону 1889 года это право распространялось на всякого ребенка, рожденного европейцем на территории Алжира. Напротив, коренной житель мог стать французским гражданином лишь после весьма долгих административных процедур, легко способных отбить охоту к получению гражданства (Kateb, 2002). Впрочем, французское гражданство получили, после принятия декрета Кремье, все проживавшие в Алжире евреи.

Эти разнонаправленные тенденции нашли свое отражение в переписях. С конца XIX века переписи, проводимые в Алжире, различали три категории населения: французы, французы, ставшие таковыми в соответствии с декретом Кремье, и коренные жители. Камель Катеб так резюмирует историю вопроса:

В 1830 году колонизаторы обнаружили в Алжире и описали население, представшее в этническом плане весьма разнородным; они выделили среди коренных жителей Алжира турков, арабов, кабилы, мозабиты, кулугли, алжирских евреев и мавров. Столетие спустя коренное население подразделяли уже только на арабов, кабилы и мозабиты. Затем, после провозглашения в 1947 году основного закона о статусе Алжира, французской администрации пришлось исходить из деления на мусульман и немусульман. Каким бы парадоксом это ни казалось, колониальная администрация оказалась причастна к арабизации прежнего населения, большинство которого в предшествующую эпоху составляли берберы, и к расширению сферы действия мусульманского права, призванного вытеснить обычное право берберских племен, прежде населявших эти места (Kateb, 1998).

Этот специфически колониальный метод подсчета населения повлиял и на трактовку этнической проблемы при проведении переписей в заморских департаментах и на заморских территориях Франции (в Новой Каледонии, Полинезии, Гваделупе, Мартинике и проч.). Для каждой территории выработывался специальный список вопросов, мотивировавшихся не только и не столько различным административным статусом заморских департаментов и заморских территорий, сколько политическими соображениями и видами на каждую из этих территорий. Раллю показал, каким образом колониальная трактовка этнических вопросов приводила в разных местах к разным ответам, зависевшим от расстановки сил в данном регионе (Rallu, 1998, 589-608). Во всех заморских департаментах переписные

листы были идентичны тем, какие употреблялись при переписях в метрополии. Напротив, на некоторых заморских территориях переписные листы составлялись таким образом, чтобы дать возможность опрашиваемым судить об этнической принадлежности отвечающих и о "чистоте" их крови, причем содержание этих переписных листов постоянно менялось в зависимости от политической обстановки: в одних просто вычеркивались вопросы, фиксировавшие этничность; в других не упоминалось "смешение кровей", однако в качестве ответов принимались только предполагавшие "чистые породы", а категория "метис" отвергалась полностью (Ibid.). В Полинезии, где с 1996 года вопросы об этнической принадлежности исчезли из переписных листов, отвечающие могут при желании поставить галочки сразу в двух клеточках. Напротив, у жителей Новой Каледонии, которая на сегодняшний день остается, вместе с Уоллисом и Футуной, единственной заморской территорией Франции, где вопросы об этнической принадлежности присутствуют в переписных листах, такой возможности нет. Мало того, что меняются типы вопросов, постоянно меняются и используемые в этих вопросах категории, что уничтожает преемственность между разными переписями.

**Возобновление дискуссий:
от измерения степени интеграции
к измерению степени дискриминации**

Лет десять назад политики и ученые предложили включить во французские переписи вопрос о месте рождения и гражданстве родителей, с тем чтобы выявить детей иммигрантов, родившихся уже на территории Франции и получивших при рождении французское гражданство. Они руководствовались желанием определить и оценить соотношение степени интегрированности мигрантов и их потомков с их географическим происхождением. Дискуссия по этому поводу достигала пика дважды: после выхода книги под названием "Как делалась Франция", в которой автор, Мишель Трибала, анализировала данные опроса "Географическая мобильность и социальная адаптация"⁵, используя категории, которая она сама назвала этническими: в их основу она положила соотношение между местом рождения чело-

⁵ Проведен в 1992 году Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) и Национальным институтом демографических исследований (INED).

века, местом рождения его родителей и его родным языком (Tribalat, 1995). В результате смешивались два качественно разных способа оценивать индивида: исходя из его национальности или гражданства (испанец, итальянец и проч.) и исходя из его лингвистической или этнической принадлежности (фульбе, манде, берберы, кабилы или арабы). Наконец, Мишель Трибала ввела в свое исследование еще одну категорию, не основывающуюся ни на одном из вышеназванных критериев – "коренные французы". К ним исследовательница причислила всех людей, которые родились во Франции и у которых родители также родились во Франции. В ходе дискуссии, развернувшейся вокруг книги Мишель Трибала, предметом обсуждения стала выработка категорий оценки гражданства и инаковости, значение и целесообразность того или иного подхода (Blum, 1998, Pp. 569-588; Le Bras, 1998).

Дело в том, что названные категории зиждутся на очень разных основаниях. В основу построения некоторых групп положен этнический принцип (африканцы как целое или турки – при том, что турецкие курды рассматриваются как отдельная группа), тогда как в других случаях за основу берется гражданство (испанцы, португальцы, французы). Но почему бы не отличать кастильцев от каталонцев, а бретонцев от эльзасцев? А когда дело доходит до французов, юридическое определение их гражданства сопровождается весьма туманным эпитетом, звучащим почти как указание на этническую принадлежность ("коренной" – тот, кто с незапамятных времен пустил "корни" на данной территории). Полемика эта обрела новую остроту во время подготовки переписи 1999 года. Тогда многие видные политики и ученые, в частности, историк-демограф Жак Дюпакье, заявили, что в переписные листы переписи необходимо включить пункты, которые позволили бы уточнить связи французских граждан, родившихся во Франции, с миграционными процессами. Эти политики и исследователи считали, что знания гражданства и места рождения недостаточно для того, чтобы определить происхождение человека, и полагали необходимым вставить в анкету вопрос о месте рождения родителей. Национальный институт статистики и экономических исследований отказался вводить в свои переписные листы изменения такого рода, однако само это намерение – в оправдание которого его сторонники ссылались на необходимость оценить степень интегрированности иммигрантов и точнее подсчитать число потомков иммигрантов, проживающих на французской территории, – само это наме-

рение обострило публичную дискуссию о проблемах иммиграции. Одни ее участники видели свою главную цель в отделении так называемых "коренных французов" (то есть тех, чьи родители, дедушки и бабушки родились на территории Франции) от потомков иммигрантов и, не довольствуясь прежними оппозициями (иностранцы/французы и иммигранты/люди, родившиеся во Франции), выступили за введение дополнительной категории – потомки иммигрантов. Другие оправдывали введение подобных категорий необходимостью провести сопоставительный анализ поведения тех и других и, в результате такого анализа, описать и оценить степень интегрированности иммигрантов разного происхождения во французское общество.

Сегодня дискуссия ведется в других категориях (Centre d'analyse...). Если раньше главной мотивацией сбора так называемой этнической статистики была оценка степени интегрированности, то сейчас на первое место выходит требование признать всех французских граждан, каковы бы ни были их корни, равными. Эту борьбу против дискриминации, затеянную политиками, подхватили ученые и эксперты; те и другие исходят из того, что введение так называемых этнических категорий в государственную статистику позволило бы оценить степень дискриминации, связанной с происхождением тех или иных граждан Франции, и проследить ее эволюцию. Сторонники такого подхода убеждены, что политически корректное умолчание об этнических корнях, якобы диктуемое республиканскими убеждениями, в реальности есть просто лицемерная маскировка французского многообразия, тогда как в других странах – в частности, в англосаксонских государствах (прежде всего в Соединенных Штатах, Великобритании, Канаде), этого табу не существует и этническая статистика является обычным делом.

Полемика между разными группами ученых и общественных ассоциаций, ведущих борьбу против дискриминации, достигла такого накала, что представители противоборствующих лагерей сочли необходимым опубликовать в средствах массовой информации декларации с изложением своей позиции. Так, группа исследователей, социологов, демографов и экономистов⁶ опубликовала в газете "Либерасьон" текст, под которым поставили свои подписи многие руководители ассоциаций по борьбе против дискриминации и расизма. Для них, в частности "Этническая статистика не может служить орудием в борьбе против дис-

⁶ В том числе и авторы данной статьи.

криминации, но грозит стать орудием определенных форм дискриминации". (см. врезку 1).

Врезка 1

Республиканцы против дискриминации⁷

Борьба против дискриминации и за истинное равенство требует активных действий. Они заключаются прежде всего в поддержке усилий педагогов, в глубокой модернизации процесса приема на работу и продвижения по службе, в предоставлении каждому гражданину свободного доступа ко всем благам и услугам. Мы, нижеподписавшиеся, убеждены в том, что эта борьба чрезвычайно важна, в том, что Франции предстоит еще многое усовершенствовать в этой сфере, и в том, что наша общая цель – равенство.

Для того чтобы оценить, насколько сильно дискриминируют людей по причине их происхождения, и насколько значительно меняется эта ситуация, необходимо располагать статистическими данными. Такие данные имеются. Опросы с помощью тестов на дискриминацию, разрешенные законом 2005 года, позволяют оценить, например, степень дискриминации при получении жилья, при найме на работу или при входе в ночные развлекательные заведения. Анкеты, заполняемые при поступлении на службу и в ходе общенациональных опросов, содержат такие пункты, как гражданство или место рождения отвечающего (а порой и его родителей). О происхождении человека в достаточной мере позволяет судить и его имя. Таким образом, сегодня вполне возможно составить представление о влиянии дискриминационных факторов, иначе говоря, о неравенстве шансов разных людей при поступлении на работу, при найме жилья или при получении доступа к некоторым предметам потребления. Степень дискриминации по причине происхождения, физической неполноценности, половой принадлежности, возраста, физического облика или места постоянного проживания уже сейчас может быть измерена достаточно точно.

Идти по этому пути дальше и требовать, чтобы люди объявляли о своей этнической принадлежности, своей "расе", религиозных убеждениях или сексуальной ориентации, бесполезно с точки зрения борьбы против дискриминации и за равенство шансов. Но мало того, что этническая статистика бесполезна, – она еще и опасна. Она не только не создает картины разнообразия, но, напротив, ведет к чудовищным упрощениям. Она не позволяет составить представление о населении с разнообразными корнями. Классификация по одному-единственному признаку неминуемо окажется редуционистской и далекой от реальности. Ее создателям придется выдумывать группы, не существующие в действительности, придется разъединять людей, в реальности сближающихся, а разнородные группы, напротив, выдавать за гомогенные, придется резать по живому. Этническая статистика узаконит понятие "расы" (безусловно антинаучное и опасное) и приведет к разжиганию конфликтов между общинами.

⁷ Текст, подписанный многими исследователями и руководителями ассоциаций, был опубликован в ежедневной газете "Либерасьон" 23 февраля 2007 г.; см.: <http://www.liberation.fr/actualite/societe/236946.FR.php> и <http://www.engagement-republicain.org/>.

Подобные статистические исследования имеют смысл лишь в тех случаях, когда планируется введение позитивной дискриминации, при которой людям определенной расовой принадлежности отказывают в найме жилья, определенный цвет кожи облегчает получение той или иной должности, доступ на рынок зависит от кадрового состава предприятия или "расы" его управляющего, штат предприятия пополняется лишь за счет местных жителей, внутри определенной профессии устанавливаются количественные ограничения для людей того или иного вероисповедания, а национальные спортивные команды комплектуются лишь людьми определенной этнической или расовой принадлежности (каковая принадлежность выявляется по специально разработанным для такого случая критериям).

Мы отвергаем аргументацию такого рода, ибо за показной борьбой за равенство здесь скрывается политика дискриминационная, чреватая расизмом и антисемитизмом. Этническая статистика не может служить орудием в борьбе против дискриминации, но грозит стать орудием определенных форм дискриминации.

Мы обязуемся продолжать борьбу против дискриминации и за равенство и использовать всю ныне доступную информацию для изучения обстановки в этой сфере и для оценки того, что сделано для ее оздоровления.

Мы возражаем против сбора информации об этнической и "расовой" принадлежности индивидов, об их религиозных убеждениях, их философских и политических взглядах, об их участии в профсоюзном движении и об их сексуальной ориентации, где бы эта информация ни собиралась – в школах и на предприятиях, среди людей, занимающихся определенной профессией, среди жителей определенного квартала или дома, среди правонарушителей или преступников, отбывающих наказание.

Мы призываем каждого отстаивать для себя и для других право на равенство и свободу, а это значит – право не оказываться перед необходимостью отвечать на вопросы о своей этнорасовой принадлежности, своем вероисповедании, своих убеждениях или сексуальной ориентации.

Мы подтверждаем нашу верность принципу равенства, который лежит в основе нашей Республики и требует, чтобы доступ к работе, обучению, благам или услугам не зависел, даже временно или частично, от принадлежности к определенному этносу, расе или вероисповеданию.

В ответ другая группа социологов опубликовала другой текст, содержащий, в противоположность первому, требование вести на государственном уровне подсчеты людей того или иного этнического происхождения (см. врезку 2). Со своей стороны, организация, основанная 26 ноября 2005 года, – Представительный совет негритянских ассоциаций (CRAN) – в конце января 2007 года опубликовала результаты опроса, проведенного среди французских "черных". Опрос этот преследовал несколько целей: во-первых, выявить и подсчитать "черное" население Франции; во-вторых, представить его как единую группу, и в-третьих, показать, каким образом "черных" дискриминируют при приеме на работу, при найме жилья и проч. Вообще эта ассоциация, с самого

своего возникновения очень активно освещающая свою деятельность в средствах массовой информации, требует развития так называемой статистики разнообразия, очень мало чем отличающейся от статистики этнической. Само основание такой ассоциации, которая отсылает своим названием к идее представительства и, следовательно, претендует на ведение прямого диалога с государственной властью, – вещь принципиально новая. В названии заложена и другая скрытая отсылка – к "Представительному совету еврейских организаций во Франции" (CRIF), который официально признан "выразителем мнений еврейской общины Франции" в общении с властями. Тем же статусом обладает и "Французский совет мусульман" (CFCM), выразитель мнений мусульманской общины. "Новаторство" Представительного совета негритянских ассоциаций, пока не получившего официального статуса, состоит в том, что его участники объединяются не на основе религиозных убеждений, а по физическим признакам. Представительный совет негритянских ассоциаций провозглашает своей главной целью борьбу против дискриминации, однако следует подчеркнуть, что во Франции существуют и другие ассоциации, ставящие своей целью борьбу против расизма и антисемитизма, но не делающие условием членства в их организациях наличие определенного отличительного физического признака. Назовем, например, такие ассоциации, как "Осторожно: расизм" (SOS Racisme) или Движение против расизма и за дружбу народов (MRAP). Обе они весьма активны и их роль в публичном обсуждении проблем расизма и дискриминации значительна и общепризнанна: первая из этих организаций неоднократно проводила "тесты на дискриминацию"⁸. Этот метод находит применение и в судебной практике, а также используется ассоциациями, борющимися с расизмом. В рамках подобных экспериментов они, например, направляют в магазин, агентство по продаже недвижимости и т. п. несколько лиц различного происхождения, стремясь таким образом продемонстрировать, что некоторые из них получают отказ из-за своих физических характеристик. Эта практика

⁸ Так называемый *testing*, или "тест на дискриминацию", заключается в разыгрывании социальных ситуаций, позволяющих выявить факт дискриминации. Речь идет о том, чтобы доказать существование неравенства, основанного, при прочих равных условиях, на определенном критерии. См. . *Le testing*, p. 2.

признается французским законодательством в качестве одного из доказательств факта дискриминации. Так, решением кассационного суда от 11 июня 2000 года была признана законность и юридическая сила этой практики. Впоследствии в статье 45 закона о "равенстве шансов", принятого 31 марта 2006 года, было подтверждено, что уголовно наказуемой дискриминацией считаются в том числе действия, которые были совершены в отношении одного или нескольких лиц, обратившихся за контрактом, товаром или услугой, перечисленными в ст. 225-2, с целью выявления дискриминирующего поведения, при условии, что были получены доказательства такого поведения"⁹. Закон канонизировал практику тестов на дискриминацию как юридических механизмов, противодействующих любому дискриминационному поведению.

Врезка 2**Статистика против дискриминации:
чтобы бороться против "этнического" неравенства,
исследователи должны располагать
надежными измерительными приборами¹⁰**

Долгие годы дискриминацию не хотели замечать, о ней не хотели слышать; сегодня она наконец оказалась в центре внимания общества. Сегодня и дня не проходит без того, чтобы средства массовой информации не привели какого-нибудь рассказа очевидца, не поведали об исходе какого-либо судебного процесса, не обнародовали политического заявления или результатов научного исследования, которые недвусмысленно свидетельствуют о том, что дискриминация по причине "этнического или расового" происхождения – реального или выдуманного – осуществляется непрерывно и в самом широком масштабе.

Отрицать этот факт невозможно. Чтобы полностью отдавать себе отчет в настоящем положении дел, следовало бы мобилизовать антирасистские ассоциации и профсоюзы, а также проявить политическую волю на европейском и национальном уровнях. Впрочем, люди уже сейчас реагируют на дискриминацию очень болезненно; между тем, их реакция не была бы столь живой, если бы не работы исследователей, отступивших от господствующих научных течений.

⁹ Loi n° 2006-396 pour l'égalité des chances relatives à la lutte contre les discriminations. Journal Officiel n° 79 du 2 avril 2006. P. 4950 (<http://www.legifrance.gouv.fr/WAspad/UnTexteDeJorf?numjo=SOCX0500298L>). То же : Bulletin officiel du Ministère de la justice n° 102 (1го апреля-30го июня 2006), Circulaire relative à la présentation des dispositions de la loi n° 2006-396 du 31 mars 2006 pour l'égalité des chances relatives à la lutte contre les discriminations ... (http://www.textes.justice.gouv.fr/art_pix/102-CRIM-j.pdf).

¹⁰ Этот текст, подписанный группой исследователей, был опубликован в газете "Монд" 13 марта 2007 г.

В этих работах, показавших масштаб дискриминации в современной Франции, решающую роль сыграла статистика. Один вопиющий факт подействовал на умы особенно впечатляюще: люди, определяемые как лица "магрибского происхождения", имеют в два с половиной раза меньше шансов найти работу, чем лица "французского происхождения", которые обладают тем же дипломом и произошли из той же социальной среды. Таким образом наглядно и неопровержимо измеряется "влияние происхождения" на социальную интеграцию.

Однако для того, чтобы произвести подобное сравнение, необходимо создать такие категории, как лица "магрибинского происхождения" и лица "французского происхождения", а затем собрать данные о приеме этих лиц на работу, об их дипломах и социопрофессиональной среде, к которой принадлежали их родители. Анализировать дискриминацию невозможно, не проводя сравнений. Все дело в том, кого с кем сравнивать.

Какие статистические данные необходимы для борьбы против дискриминации? На этот вопрос ответить нелегко. Одно можно сказать сразу: современное состояние статистики, касающейся этого вопроса, неудовлетворительно; имеющиеся данные нуждаются в уточнении: они не только не позволяют составить представление о масштабе дискриминации по причине происхождения, но, напротив, нередко помогают скрыть истинные масштабы этого явления. Впрочем, такое положение характерно не для одной Франции, с теми же трудностями сталкиваются все страны Евросоюза; нередко и в этих странах разражаются такие же дискуссии, как во Франции. Проблем много: на какие категории делить население? где собирать информацию? с какой целью?

Мы, исследователи, изучающие разные аспекты дискриминации и исповедующие разные подходы к использованию статистики для оценки форм дискриминации и ее последствий, убеждены, что выражение степени и масштаба дискриминации в цифрах должно стать предметом всестороннего обсуждения. Разумеется, мы не утверждаем, что этническая и расовая статистика должна навсегда войти в наш обиход и, в частности, занять место в переписях, но мы считаем, что, ради того чтобы наше знание о дискриминации стало более глубоким, не следует априорно отвергать какие-либо пути исследования только потому, что они противоречат традиционной республиканской модели интеграции. Распространенность дискриминационных практик доказывает, что модель эта не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий.

Между тем в декларации "Республиканцы против дискриминации", опубликованной 23 февраля, исследователи и руководители ассоциаций и профсоюзов открыто выражают желание положить конец дискуссии, участники которой с таким трудом находили общий язык и вырабатывали категории для обсуждения. В самом деле, под видом борьбы с дискриминацией авторы этой декларации выступают прежде всего против статистических исследований "этнической и расовой принадлежности, вероисповедания и сексуальной ориентации", а значит, выносят приговор любой работе с категориями, которые применительно к французскому контексту еще только предстоит создать. Ибо те статистические исследования, которые в декларации объявлены "бесполезными и опасными", до сих пор еще не проведены. Таким образом, люди, подписавшие эту декларацию, рискуют нанести губительный удар по деятельности всех тех, кто последние десять лет стремятся пролить свет на дискриминационную практику, вывести ее из той тени, где она скрывалась все эти годы. Поэтому мы считаем необходимым разъяснить различные недоумения, которые эта декларация не может не породить.

Первое ошибочное утверждение декларации: сегодня мы располагаем статистическими данными, позволяющими точно оценить масштаб дискриминаций. Между тем если бы дело обстояло таким образом, сама дискуссия, которую мы ведем, лишилась бы оснований. Все исследователи, занятые количественным анализом случаев дискриминации, равно как и сочинители докладов от имени официальных институтов, от Высшего совета по интеграции до Счетной палаты, единодушно признают, что статистические данные, необходимые для выявления этих случаев в полном объеме либо вовсе отсутствуют, либо оказываются недостаточными. Неужели Национальная комиссия по информации в свободах (CNIL) стала бы устраивать целый ряд беспрецедентных слушаний по проблеме, которой не существует? Обратимся к фактам. Статистические данные позволяют судить о числе иностранцев и иммигрантов, но такие сведения, как страна рождения и гражданство родителей, фигурируют в статистических отчетах лишь в виде исключения. Между тем исследования показывают, что зачастую жертвами "этнической и расовой" дискриминации становятся не кто иные, как французы, родившиеся во Франции. Таким образом, чтобы продемонстрировать реальный объем дискриминации, следует вывести из статистической тени тех людей, которые ей подвергаются, – потомков иммигрантов, уроженцев заморских департаментов, да и многих других.

Второе ошибочное утверждение, кстати, противоречащее первому, заключается в содержащемся в декларации предложении восполнить отсутствие точных статистических данных с помощью косвенных методов, таких, как тест на дискриминацию или использование имен людей для объединения их в определенные категории – которые, следует заметить, не становятся от этого менее "этническими". Метод вычисления происхождения людей по их именам не нов и уже не раз использовался, однако он имеет серьезные методологические изъяны. Известно, что около трети уроженцев Магриба дают своим детям имена "французские" или "интернациональные", а родители, никак не связанные с Магрибом, порой выбирают для своих отпрысков имена, звучащие на арабский лад. Таким образом, строить государственную политику на оценках, сделанных на основании имен, невозможно. Что же касается теста на дискриминацию, то оно показало себя очень действенным методом анализа, однако оно не позволяет выявить все многообразие дискриминационных механизмов, ибо они порождаются отнюдь не только расистскими настроениями.

Третье утверждение, призванное дискредитировать "этническую статистику", гласит, что подобные исследования "имеют смысл лишь в тех случаях, когда планируется введение позитивной дискриминации", то есть создание "квот", и что они могут привести "к разжиганию конфликтов между общинами". Перед нами традиционная страшилка, которой всегда пугают участников дискуссий о дискриминации.

Необходимо еще раз напомнить, что единственная цель борьбы против дискриминации, – добиться установления реального равенства в жизни общества. Борьба против дискриминации далеко не всегда приводит к введению позитивной дискриминации, а эта последняя никогда – во всяком случае, если говорить о Соединенных Штатах Америки или Великобритании, – не приводит к квотированию. Статистические исследования помогают как выявлять случаи преследований и определять порождающие их механизмы, так и привлекать к этим случаям внимание общества, ставить политические цели и оценивать эффективность тех или иных политических мер. Выбор этих мер не связан напрямую с выбором методов анализа. Зато отсутствие определенных статистических методов затрудняет использование тех или иных политических мер.

Как можно утверждать, что знание о том, кто именно подвергается дискриминации, "опасно"? Мы не обещаем сотворить чудо, наши взгляды на способы, какими следует исправлять положение, порой расходятся. Однако мы убеждены, что французское общество нуждается в незамедлительном обновлении тех инструментов, которые обеспечивают равенство всех граждан. Если что сегодня и грозит обществу расколом, то это сами факты дискриминации, а вовсе не "этническая статистика".

Об этнической дискриминации и о дискриминации вообще

Мы, со своей стороны, убеждены, что нет никаких оснований утверждать, будто борьба против дискриминации невозможна без развития этнической статистики; более того, мы полагаем, что развитие такой статистики может, напротив, привести к усилению дискриминации. Дальнейшие наши рассуждения призваны доказать этот тезис.

Статистика обычно оперирует специально созданными категориями, которые неминуемо упрощают реальность, но позволяют выявлять определенные факты, а затем подвергать их анализу. Что же касается так называемых "этнических" категорий, то, используя их в борьбе против дискриминации, мы сводим процесс дискриминации к преследованиям на основании одной из внешних характеристик – типа лица. Между прочим, сам факт дискриминации – не что иное, как результат взаимодействия двух индивидов, один из которых на основании визуальных признаков (физический облик, одежда, акцент, манера поведения, наличие религиозных атрибутов, местожительство, имя и фамилия и проч.) делает другого объектом позитивных или негативных проекций; проекции эти являются столько же следствием визуального наблюдения, сколько плодом биографии, жизненного опыта и убеждений наблюдающего. Когда физическая особенность или черта внешнего облика (цвет кожи, физический тип, наличие религиозной атрибутики) интерпретируется как индикатор происхождения человека или его вероисповедания, и отношение к носителям этих черт и особенностей отличается от отношения ко всем остальным людям, мы имеем дело с этнической дискриминацией. Таким образом, дискриминация, называемая этнической, основывается на суждении – справедливом или ошибочном – о происхождении или вероисповедании того или иного человека, причем суждение это выносятся на основании внешнего облика.

Очень важен также контекст, в котором осуществляется дискриминация. Так, многое меняется в зависимости от того, что ей предшествовало: встреча лицом к лицу, чтение анкеты или, например, телефонный разговор. В первом случае мобилизуются все когнитивные процессы, актуализируются все внешние признаки индивида: физический облик, цвет кожи, черты лица, манера держаться и действовать, речь, акцент, одежда, наличие той или иной внешней атрибутики и проч.; напротив, при чтении анкеты суждение выносится лишь на основании некоторых признаков, таких как место рождения и проживания, а главное, имя и фамилия. Что же касается телефонного разговора, то здесь на первое место выходят акцент и владение языком. Иначе говоря, те особенности индивида, которые могут сделать его объектом дискриминации, весьма разнородны. Кроме того, при активном двустороннем общении не менее важную роль играют и особенности того человека, который потенциально способен применить к другому дискриминационные меры, и который судит – порой бессознательно – о собеседнике исходя из своего собственного опыта и происхождения.

От этнических категорий к категориям этнорасовым?

Под этносом (понятием, происходящим от древнегреческого слова *ethnos*) принято понимать "группу индивидов общего происхождения и поведения, нацию, народ", иначе говоря, такую группу, которая обладает относительной общностью истории, языка, культуры и, чаще всего, проживает (либо проживала в прошлом) на одной общей территории. Отсюда многообразные определения этнической принадлежности, основывающиеся прежде всего на ощущении общности языка, традиций, территории, культуры и проч. Утверждая, что некие люди принадлежат к некоему этносу, мы, следовательно, произвольным образом вписываем их в определенную группу либо на основании общего происхождения (впрочем, понимаемого весьма расплывчато), либо на основании общей территории проживания, либо на основании религиозной или исторической общности. "Этнические" группы, конструируемые для описания потомков иммигрантов, выделяются и получают наименование чаще всего лишь по одному признаку – по предполагаемому месту их происхождения, что же касается их миграционных маршрутов, то они во внимание не

принимаются. Другими словами, мы говорим о берберцах, магрибинцах или антильцах, а между тем люди эти проживают на французской территории, многие из них родились во Франции и, вполне возможно, не поддерживают никаких связей со страной происхождения; во всяком случае, мы по большей части не располагаем сведениями ни о наличии таких связей, ни о степени их интенсивности, иначе говоря, о материальных и моральных контактах с этими странами, тем более когда речь идет о потомках мигрантов. Уже из сказанного вытекает, что применение этнических категорий в данном случае не оправдано и только вводит в заблуждение.

Авторы некоторых недавно опубликованных работ, стремясь хотя бы отчасти исправить эту ошибку, прибегают к понятию "видимые меньшинства". В Канаде это понятие употребляется и в законодательных актах, и в официальной статистике; канадский закон о соблюдении справедливости при найме на работу гласит: "К видимым меньшинствам принадлежат люди некоренного происхождения, не относящиеся к белой расе и не обладающие белым цветом кожи"¹¹. В данном случае мы имеем дело с использованием этнорасовых категорий, основанных на критериях чисто физических. Сходным образом разработчики анкеты, призванной выявить степень разнообразия французов, отличают белых людей от негров, арабов или берберов, азиатов, а также метисов (Simon, Clément. 2006)¹². Названные категории являются чисто расовыми, они возникли в определенном историческом контексте, когда было необходимо описать население старой французской колониальной империи; ничего этнического в них нет. Более того, эти категории не предполагают никаких более мелких членений, так что "белые", каково бы ни было их географическое происхождение, составляют при таком подходе единую группу. Что же касается тех, кто отнесут себя к "неграм", "арабам или берберам", они, вне всякого сомнения, ответили бы совсем иначе, будь вопрос поставлен иначе, более прямо. В высшей степени редуционистский подход, с которым мы име-

¹¹ Под людьми "коренного происхождения" подразумеваются североамериканские индейцы, метисы, инуиты/эскимосы. Statistique Canada. "Définitions, sources de données et méthodes", "Minorités visibles". http://www.statcan.ca/francais/concepts/definitions/vis-minorit_f.htm (последнее посещение 12 декабря 2006).

¹² Постановка этих определений в кавычки дела не меняет..

ем дело в данном случае, не опирается на определения самих опрашиваемых, принадлежат ли они к дискриминирующим или к дискриминируемым. Отчего тогда не ввести в опрос другие категории: не только белые или черные, но и "беры" или "пакпаки"¹³, а также католики или протестанты, иудеи или мусульмане? Физический облик и цвет кожи – отнюдь не единственные критерии самоопределения, отнюдь не единственные признаки, способные дать повод для дискриминации.

Использование подобных категорий порождает много проблем. Дело не только в классификации репрезентаций, но и в тех аргументах, которые приводятся для оправдания их использования. Сторонники подобного подхода говорят в свою защиту, что они не навязывают опрашиваемым этнорасовые категории, но оставляют за ними право отнесения самих себя к той или иной категории. Однако сами эти категории, как бы велико ни было их число, являются не результатом индивидуального восприятия каждого из опрашиваемых, а плодом деятельности ученых и их видения мира. Таким образом, опрашиваемые никогда не идентифицируют себя самостоятельно, на основе своего собственного видения самих себя; их самоидентификация зависит от предустановленных учеными категорий. Неполнота подобного подхода связана прежде всего с недостаточно глубоким анализом самого процесса дискриминации. Ведь дискриминация – это и есть результат вписывания индивида в некую категорию, даже если вписывание это носит этнорасовый, внешний характер и лишь частично совпадает с самоидентификацией. Конечно, дискриминация – факт, пропущенный сквозь восприятие индивида, и потому отчасти оправдано сопоставление ее с тем, как люди воспринимают самих себя. Однако это – всего лишь одна сторона дискриминации, и сводить все явление к одному этому аспекту было бы неверно.

Еще один вопрос, который сторонники использования этнических и этнорасовых категорий даже не затрагивают, тогда как он имеет значение первостепенное, заключается в том, способны ли эти категории служить эффективным орудием борьбы против дискриминации? Возьмем, например, Соединенные Штаты: там дискриминация уже давно

¹³ "Беры" – арабы из второго поколения эмигрантов (примеч. перевод.).
"Пак-паки" – жаргонное слово, используемое в молодежной среде для обозначения выходцев из Индии и Пакистана (прим. А. Блюма).

ощущается как наболевшая проблема, однако никакой сбор этнических данных в ходе переписей не приблизил страну к ее решению. Более того, использование этих расовых категорий обострило внимание исследователей к этническому аспекту в ущерб анализу индивидуальных социальных позиций внутри тех или иных групп. Кроме того, описание населения как совокупности групп, объединенных общим происхождением, сводит существование каждого индивида к его нахождению внутри группы и не столько смягчает, сколько обостряет противоречия между такими группами.

Между тем, попав в государственную статистику, подобные категории в дальнейшем начинают фигурировать в многочисленных опросах и становятся чем-то вроде эталона. Всякий исследователь, который ведет борьбу за введение в обиход новых категорий, пусть даже на правах предварительных, рабочих гипотез, не может не сознавать, что, разделяя население на группы, он руководствуется критериями, которые вытекают из его собственного видения мира, его собственных репрезентаций. Предлагая опрашиваемым лицам переписной лист, содержащий эти категории, исследователь вынуждает их идентифицироваться с определенной группой и навешивать на себя определенный ярлык. Конечно, опрашиваемые могут отказаться отвечать, но предложенная им группа остается единственной, с которой они могут себя идентифицировать. В конечном счете государственная статистика ложится в основу такой государственной политики, при которой одним группам населения отдается предпочтение перед другими, и всякому, кто желает, чтобы эта политика на него распространилась, приходится относить себя к этим группам или категориям, которые в итоге становятся лишь еще более устойчивыми.

О сложности ощущения собственного происхождения

Авторы, использующие так называемые этнорасовые категории, утверждают, что руководствуются стремлением восстановить "разнообразное происхождение" опрашиваемых, однако, на наш взгляд, стремление это носит искусственный характер, а категории карикатурны и ни в коей мере не отражают того многообразия самоидентификаций, которое выявили другие исследователи. Работы, строящиеся на использовании этнических категорий, не только не дают представления о разнообразии населения, но, напротив, его затушевывают.

Более того, другие работы доказывают, что возможны и иные способы анализа, ведущие к более полному и глубокому постижению реальности. Так, опрос "История жизни", разработчики которого¹⁴ изучали конструирование людьми собственной идентичности, позволяет понять, что каждый индивид определяет идентичность, исходя из своей принадлежности к самым разным общностям (семейной, профессиональной, географической, религиозной, политической и проч.), но также и из тех общностей, к которым его относят окружающие, судящие по его видимым свойствам (местожительство, физический облик, акцент и проч.) (Ville, Guégin-Pace, 2005, p. 277-306).

Целью опроса было выяснить, каким образом каждый человек обходится с этой своей принадлежностью к самым разным общностям, каким образом он выводит некоторые свойства на первый план для построения собственной идентичности, а другие замалчивает, причем эти предпочтения и замалчивания зависят от периода жизни и социального контекста. В конце концов на определенном этапе жизни индивида именно эти предпочтения и замалчивания составляют то однородное целое, которое и называется идентичностью. В опросе, о котором мы говорим, значительное место было уделено индивидуальным, семейным, географическим и профессиональным предысториям. В анкете присутствовали пункты, касающиеся не только реальной географии, но и субъективного ее видения: мест, где человек жил, где он бывал и даже тех, которые являлись ему в мечтах (место рождения, любимое место, место, куда хотелось бы переехать, место, где хотелось бы покоемся после смерти). Этот перечень мест составляет некую географическую визитную карточку каждого человека, которая позволяет судить о его идентичности в гораздо большей степени, нежели простая информация о месте рождения и гражданстве, – информация, которую традиционно предоставляют все анкеты, но которая недостаточна для того, чтобы судить о сложных узлах, связующих каждого с его происхождением.

Опрошенным (более 8000 человек) в конце целого ряда вопросов, касающихся мест в пространстве, предлагалось ответить на прямой вопрос: "Если я спрошу вас, откуда вы, что вы ответите?" Разумеется, наш

¹⁴ В частности, Франс Герен-Пас, один из авторов этой статьи.

ответ на вопрос о географических координатах нашего происхождения зависит от того, кто задает нам этот вопрос, а также от того, где мы находимся в момент опроса. Человек, находящийся за границей или путешествующий по Франции, ответит не так, как ответил бы человек, находящийся в постоянном месте своего проживания. Однако, даже находясь в равных условиях¹⁵, люди определяют свое географическое происхождение в очень разных категориях, от самой локальной до самой глобальной. Одни называют квартал или хутор, другие – город или деревню, третьи – департамент или регион, чужую страну или даже континент, наконец, некоторые вообще затрудняются с названием точного географического ориентира (Cuégin-Pace, 2006, p. 393-394).

Разумеется, формулировка вопроса подталкивает опрашиваемого к ответу в географических, а не, например, религиозных или каких-либо иных категориях, однако этим формам идентичности посвящены другие части анкет. Что же касается места происхождения, то каждый второй из тех, кто проживает в метрополии, объявлял себя уроженцем определенной коммуны. Как ни странно, департамент – понятие сугубо административное – упоминался чаще, чем регион; впрочем, если прибавить к регионам области, не являющиеся административными единицами, такие как Пуату, Берри или Юго-Запад, они сравниваются по количеству с департаментами (15%). Людей, назвавших местом происхождения иностранное государство, оказалось столько же, сколько назвавших себя уроженцами Франции или французами (более 6%). Ссылка на Европу или какой-либо иной континент как место происхождения звучит почти анекдотически, тем не менее нашлись и люди, давшие такие ответы; их набралось чуть меньше 1%. Наконец, 6% опрошенных дали ответы совсем неопределенные, выдающие нежелание связывать свою идентичность с каким-то определенным местом. Эти люди отвечали: "Я здешний", "Я ниоткуда", "Я отовсюду", "Я гражданин мира", или упоминали тип пространства: "Я деревенский", "Я человек предместья", "Я родом с гор" и проч. Сложность жизненного пути, число переездов, число лет, прожитых за границей, – все это определяет ощущение связи с

¹⁵ Все опрашиваемые отвечали на вопросы, задаваемые сотрудником Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), находясь у себя дома.

определенной территорией в гораздо большей степени, чем гражданство или место рождения.

Чем более разнообразен пройденный человеком путь, тем менее склонен он называть местом своего происхождения коммуну: из людей, которые жили преимущественно за границей, лишь 15% говорят, что происходят из определенной коммуны, тогда как среди людей, которые никогда не уезжали за пределы родной коммуны, таких 78%. Лица, родившиеся в семье иммигрантов, чаще связывают свое происхождение с коммуной, чем другие, которые готовы идентифицировать себя и с регионом. Мигрант поначалу считает местом проживания лишь очень небольшой участок территории; апроприация более обширного пространства происходит постепенно, по мере усвоения местной культуры и укоренения в данном регионе. Иными словами, миграция, вне зависимости от того, осуществляется ли она внутри страны или на интернациональном уровне, оказывает решающее влияние на масштаб самоидентификации. Узы, связующие человека с местом его происхождения, зависят от сложности пройденного им жизненного пути и не могут быть объяснены простой дихотомией иммигрант/ не иммигрант.

Сходным образом от сложности жизненного пути зависит и ссылка на происхождение за границей. Потомки иммигрантов уже в первом поколении называют местом своего происхождения по преимуществу самые мелкие географические единицы. Так, юные жители пригородов, родившиеся во Франции, гораздо чаще идентифицируют себя с этими пригородами, чем со странами, где появились на свет их родители. Анкета "История жизни" подтверждает, что этот локальный фактор (за которым стоят и общие привычки, и общие знакомства, и который поэтому может быть назван этническим) оказывает важнейшее влияние на построение человеком собственной идентичности и на ощущение собственной принадлежности к определенной группе. Иммигранты, не поменявшие гражданства, в основном (59%) объявляют себя происходящими из своей родной страны; среди тех, кто стал французскими гражданами, таковых уже 33%, а среди тех, кто родились во Франции в семье иммигрантов, – всего 5%. Впрочем, можно отметить, что целый ряд ответов выдают либо затруднение с самоидентификацией ("я человек без корней, не португалец и не француз"), либо ощущение своей двойственности, порой оцениваемой количе-

ственно: "я на 70% марокканец, на 30% француз", "я родом из Франции и из Пекина", я "наполовину француз, наполовину португалец". Некоторые из опрошенных называют в ответе свое гражданство ("я гражданин Франции") или страну рождения: "француз из Северной Африки", "француз, родившийся в Испании", "француз родом из Алжира" или "черноногий"¹⁶, а порой вообще "человек многих национальностей". Эти ответы свидетельствуют о том, насколько сложно ощущают опрашиваемые свою принадлежность к определенной группе и свою связь с местом происхождения, и о том, что людям, проделавшим сложный географический путь и являющимся потомками мигрантов, трудно объявить себя принадлежащими к одной-единственной группе. Кстати, один из выводов, к которому пришли исследователи, проводившие экспериментальные опросы в разных профессиональных сферах, заключается в том, что "иммигранты и их прямые потомки в два раз менее охотно, чем остальные опрошенные, причисляют себя к одной из 'этнорасовых' категорий" (Simon, Clément, 2006).

О сложности ощущения дискриминации

Дискриминация – это результат взаимодействия двух людей, имеющих каждый свою историю, свое восприятие, причем один смотрит на другого, основываясь на его внешних особенностях или на собственной информации, чаще всего независимой от самоощущения этого человека. Иначе говоря, человек может чувствовать себя французом, однако остальные могут не считать его таковым по причине его акцента или физических свойств. Человека, ищущего работу, могут подвергнуть дискриминации, потому что его фамилия вызывает у администратора, занимающегося наймом новых сотрудников, негативные коннотации. Сходным образом, хозяин квартиры, может отказаться сдать ее человеку, чья фамилия, по его мнению, априорно указывает на нежелательное происхождение. Поэтому трудно, если не вовсе невозможно, оценить масштаб дискриминации исключительно по самоощущению человека, особенно если речь идет о внешних характеристиках. Более разумным был бы, вероятно, противоположный подход, при котором опрашивающий и другой актер сам наделял

¹⁶ Pieds-noirs : имя, закрепившееся за так называемыми репатриантами вернувшимися во Францию из Северной Африки в ходе деколонизации.

опрашиваемого идентичностью, однако такая процедура, во-первых, трудноосуществима, а во-вторых, оказалась бы слишком сильно зависимой от свойств каждого опрашивающего. К такому типу опросов близки недавние опыты тестов на дискриминацию. Один из первых исследователей, прибегнувший к этому методу во Франции, Жан-Франсуа Амадьё, подчеркивает:

Сегодня статистика не позволяет выявить все формы дискриминации, в частности, те, которые связаны с физическим обликом или этническим происхождением. Именно поэтому есть необходимость использовать новые методики, такие как тест на дискриминацию, что же касается масштаба дискриминации, то его можно оценить и не ведя этнических подсчетов. Вот, например, один из способов: берутся имена кандидатов на то или иное место, затем имена людей, приглашенных на собеседование, и, наконец, имена тех, кого приняли на работу, и оценивается степень успеха тех людей, которые, судя по их именам, рисковали стать жертвами дискриминации. Имена эти иностранного происхождения, но не отсылают к некоему определенному этносу или определенной расе. Преимущество этого метода в том, что он позволяет выявить степень дискриминации, не разделяя людей на разряды и не прося их отнести самих себя к той или иной этнической или расовой общности. Этнические подсчеты имеют смысл лишь в тех случаях, когда в повестке дня стоит установление неких квот (Amadieu, 2006).

Таблица. *Восприятие несправедливого обращения и связь с миграцией (в %)*¹⁷

	иммигранты – иностранные подданные (572 чел.)		иммигранты, ставшие французскими подданными (572 чел.)	
	<i>Несправедливость</i> , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления	<i>Несправедливость</i> , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления
из-за вашего возраста	1	1	4	1
из-за вашего пола (то есть из-за того, что вы мужчина или женщина)	3	0	1	1
из-за состояние вашего здоровья или из-за того, что вы имеете физический недостаток	≈0	≈0	3	≈0
из-за цвета вашей кожи	5	2	6	4
из-за вашего роста и веса	1	2	2,5	4
из-за вашей манеры одеваться	1,5	1,5	2	1,5
из-за места, где вы живете	≈0	≈0	1	2

¹⁷ Пункты, собравшие совсем незначительное количество ответов, в таблицу не включены. Речь идет о следующих пунктах: "Из-за свойств ваших близких, ваших друзей или ваших родственников", "Из-за вашей сексуальной ориентации", "Из-за вашей принадлежности к политической или профсоюзной организации", "По какой-либо иной причине".

	иммигранты – иностранные подданные (572 чел.)		иммигранты, ставшие французскими подданными (572 чел.)	
	Несправедливость , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления	Несправедливость , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления
из-за региона или страны вашего происхождения	6,5	3	7,5	6
из-за вашей профессии или уровня образования	1	2,5	≈0	1
из-за вашей фамилии или имени	2	1	3	4
из-за вашей манеры говорить (акцент, владение языком)	3	7,5	1,5	8,5
из-за вашей семейной ситуации	2	≈0	2	≈0
из-за ваших политических, профсоюзных или религиозных убеждений	1	1,5	≈0	≈0
вы никогда не чувствовали, что с вами обходятся не так, как с остальными	68%		63%	

Источник: Опрос "История жизни" (2003), 8403 опрошенных.

Люди, у которых оба родителя иммигранты (503 чел.)		Люди, у которых один из родителей иммигрант (446 чел.)		Люди, у которых оба родителя французские подданные (6307 чел.)	
Несправедливость , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления	Несправедливость , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления	Несправедливость , отказ в каком-либо праве	Насмешки, оскорбления
3	1	4	1	3	1
1	0	2	1	2	0,5
2	3,5	2	≈0	2	1
5	6	2	4	1	0,5
3	8	1	9	2	6
3	4,5	3	3,5	2	3,5
2,5	3	1	1	0,5	1
6,5	7,5	2,5	4	1	1,5
2	2	1,5	3	1,5	2,5
4	12	2	8	0,5	5,5
3	4,5	3,5	4,5	1	3
1	1	3	1	2	1
2,5	1,5	2	1,5	1	1
52%		59%		69%	

Комментарий: 16% лиц, у которых оба родителя иммигранты, объявляют, что с ними обращались не так, как с остальными из-за их имени или фамилии, 12% утверждают, что становились объектами насмешек и оскорблений, 4% – что сделались жертвами несправедливого обращения и отказа в каком-либо праве.

Кстати, судя по опросу "История жизни", факторы, порождающие "ощущение дискриминации", очень разнообразны, и вовсе не ограничиваются физическим обликом, выдающим географическое происхождение. Вопрос, задаваемый участникам опроса, формулировался следующим образом: "Были ли в вашей жизни случаи, когда вы становились предметом насмешек, когда вас отстраняли от какого-то дела, когда с вами обращались несправедливо или отказывали вам в некоем праве из-за...?"¹⁸ Здесь идет речь о самом общем и широком понимании дискриминации, когда один человек приписывает другому некие свойства, которые оценивает отрицательно (Beque, 2005). Цель процитированного вопроса заключалась не в том, чтобы измерить масштаб дискриминации, но в том, чтобы выявить все множество индивидуальных оценок, могущих стать источником негативного отличия.

Среди лиц, родившихся во Франции в семье двух иммигрантов, чувство, что с ними обращаются иначе, чем с остальными (какова бы ни была причина такого обращения), распространено больше (48%), чем среди иммигрантов, не менявших гражданства (32%), и чем среди людей, родившихся в семье французов (30%). Первой причиной, которую назвали опрашиваемые, было имя или фамилия; из-за них люди подвергались не столько несправедливому обращению, сколько насмешкам и оскорблениям. На втором месте – страна происхождения; она тоже навлекает на людей, по их ощущению, насмешки и несправедливое обращение. Физический облик, будь то "вес и рост" или "цвет кожи", стоит на третьем месте, причем вес и рост чаще ощущаются как объект насмешек, а цвет кожи – как причина несправедливого обхождения. В данном случае очевиден механизм конкуренции внешностей, и это подтверждает гипотезу о том, что источником дифференцированного обращения становится не столько цвет кожи, сколько знание о стране происхождения, которое бросает ответ и на восприятие физического облика. Люди, у которых иммигрант – только один из родителей, чаще ощущают себя объектами дифференцированного обращения, тогда как иммигранты, вне зависимости от того, стали они уже французскими гражданами или нет, примерно совпадают в своих оценках с лицами, родившимися во

¹⁸ В таблице мы отделили факторы, становившиеся причиной насмешек и оскорблений, от тех, которые порождали нечто, близкое к дискриминирующему обращению.

Франции от родителей, имеющих французское гражданство, однако эти последние чаще ощущают себя объектами насмешек и оскорблений, чем жертвами несправедливого обращения, причем причины, на которые они ссылаются, не те, что у иммигрантов. Лица, родившиеся на французской территории в семьях французских граждан, чаще всего навлекают на себя насмешки и оскорбления из-за своего веса или роста, тогда как иммигранты ощущают себя жертвами дискриминации из-за других физических факторов (страна происхождения, цвет кожи, акцент).

О непригодности этнорасовых категорий для борьбы против дискриминации

Результаты опроса "История жизни" показывают, что ощущение принадлежности к некоей общности формируется чрезвычайно сложным образом: на этот процесс оказывают влияние и личные судьбы, и узы, связующие человека с местами, где он жил прежде; ощущение это отнюдь не сводится к одному лишь географическому происхождению или гражданству. Чувство принадлежности выражается в диапазоне от самого локального до национального и даже сверхнационального уровня, связь с местом происхождения определяется как жизненным путем данного человека, так и его индивидуальным выбором мест, к которым он привязан. Даже при прямой и открытой постановке вопроса многие лица, в частности те, чей жизненный путь сложен, затрудняются с обозначением единственного места происхождения. Как же могут в таком случае судить о масштабе дискриминаций исследователи, использующие категории, которые именуется этнорасовыми, но на самом деле не содержат в себе ничего этнического и лишь в самой упрощенной и карикатурной форме указывают на расовую принадлежность?

Кроме того, детальное изучение причин дискриминации показывает, что явление это чрезвычайно сложное и что жертвами несправедливого обращения или, по крайней мере, обращения "не такого, как с остальными", чаще всего ощущают себя дети иммигрантов. Между тем они родились во Франции и являются французскими гражданами, и именно поэтому им особенно тяжело постоянно сталкиваться с тем, что о них судят по месту происхождения их родителей. Эта часть населения в два раза чаще называет источником дис-

криминации фамилию, чем цвет кожи. Следовательно, для изучения масштаба дискриминации нет никакой необходимости прибегать к этнорасовым категориям; категории, объединяющие людей по месту рождения их самих и их родителей, превосходно служат той же самой цели. Эта переменная все чаще и чаще используется в анкетах (касающихся занятости, семейного положения, профессиональной подготовки и проч.), на основе которых пишутся многочисленные исследования.

Авторы других исследований весьма удачно используют "постоянные демографические выборки"¹⁹ Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) – плоды наблюдения за потомками лиц, родившихся во Франции либо иммигрировавших в эту страну. Имена для выборок демографы получают в результате сопоставления переписей с актами гражданского состояния. Дискриминацию на основе этих источников можно изучать в деталях (Richard, 2006, p. 105-106), а можно исследовать ее эволюцию, не прибегая при этом к категориям, установленным *a priori* раз и навсегда.

Наконец, существуют исследования, основывающиеся на оригинальных опросах, например, производимых по методике, близкой к *тесту на дискриминацию*, когда людям предлагается заполнить две анкеты, совпадающие во всем, кроме имени и фамилии, или какого-либо иного пункта, что позволяет выявлять источники и методы дискриминации и исследовать их эволюцию, опять-таки обходясь без

¹⁹ L'échantillon démographique permanent (EDP) : "Постоянные демографические выборки". Вот уже почти сорок лет как INSEE собирает социально-демографическую информацию о населении французской метрополии на основании представительной выборки. "Постоянные демографические выборки" сегодня пополняются информацией ежегодных переписей и актов гражданского состояния. Выборка организуется так, чтобы обеспечить репрезентативность и постоянство во времени. На сегодняшний день собраны около 900000 индивидуальных историй, что предоставляет широкие возможности для проведения демографических и социологических исследований. Люди отбирались на основании даты рождения: были выбраны четыре дня в году, и все люди, родившиеся в один из этих дней (так называемые "справочные дни") любого года, являются частью выборки. Переписи позволяют обогатить и дополнить эти данные (Couet, 2006, p. 5-14).

использования категорий, предлагаемых *a priori*. Разумеется, авторы исследований такого типа исходят из предположения, что определенные имена и фамилии способны делать их носителей жертвами дискриминации, однако никакими неизменными и неподвижными категориями они при этом не оперируют. Вообще исследование личных имен – очень интересный и перспективный путь, ибо он позволяет классифицировать не личности, а имена, и определять, работая со значительной по объему базой данных, какие имена навлекают на их носителей дискриминирующее обращение, а какие – нет. Лишь после того, как такая работа будет произведена, можно будет выделить группу "дискриминирующих" имен и проанализировать их, не навешивая на них *a priori* этнических ярлыков.

Таким образом, те, кто полагают, будто с помощью этнорасовых категорий можно бороться против дискриминации, заблуждаются и прибегают к методам, для этой цели совершенно непригодным. Более того, многие эксперименты уже показали, что употребление подобных категорий может быть использовано акторами и политиками против тех самых лиц, ради защиты которых подобные исследования затеваются. Наконец, те, кто предлагает экспериментировать с этнорасовыми категориями с тем, чтобы постепенно ввести их в официальные статистические отчеты на уровне всего государства, наделяет эти категории смыслом, вдыхает в них новую жизнь и рискует придать им в глазах определенной части населения статус основополагающих понятий, а то и опоры для политиков или частных лиц и, таким образом, способствовать их использованию в целях, совершенно противоположных первоначальному замыслу.

Литература

- Amadiou Jean-François*. Le baromètre des discriminations, 2006. Observatoire des discriminations, <http://cergors.univ-paris1.fr/docsatelecharger/Barometre-2006resultats.pdf>.
- Beque Maryline*. Le vécu des attitudes intolérantes ou discriminatoires par les personnes immigrées et issues de l'immigration // Ministère de l'emploi, de la cohésion sociale et du logement, Ministère de la santé et des solidarités // 2005. Drees. № 424. Septembre.
- Bertaux Sandrine*. Le concept démographique d'assimilation: un label scientifique pour le discours sur l'intégration? // Revue française des affaires sociales. 1997. № 2.
- Blum Alain*. Comment décrire les immigrés – à propos de quelques recherches sur l'immigration // Population. 1998. № 3.
- Blum Alain*. Resistance to Identity Categorization in France // David Kertzer, Dominique Arel (Eds.). Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. Cambridge, 2001.
- Centre d'analyse stratégique, Actes du Colloque Statistiques "ethniques", 19 octobre, Maison de la Chimie, Centre d'analyse stratégique. Paris, 2006.
- Congrès international de démographie // Annales de démographie internationale. 1878. 6-7.
- Congrès international de Statistique, Compte-rendu de la huitième session à St Pétersbourg, Tome 2 (Travaux du Congrès), St-Pétersbourg, 1872. P. 75.
- Couet Christine*. L'échantillon démographique permanent de l'INSEE // Le courrier des statistiques. 117-119. 2006.
- Gousseff, Catherine*. L'élaboration des catégories nationales dans les recensements: décalages entre législation et outils de mesure // Revue française des affaires sociales. 2. 1997.
- Guérin-Pace, France*. Lieux habités, lieux investis : le lien au territoire, une composante identitaire? Economie et Statistique. Numéro spécial sur l'enquête *Histoires de vie*. 2006.
- Kateb, Kamel*. La gestion statistique des populations dans l'empire colonial français. Le cas de l'Algérie, 1830-1860, Histoire & Mesure, 1998, № 13.
- Kateb, Kamel*. Européens, " indigènes " et Juifs en Algérie (1830-1962). Paris, 2002.
- Le Bras; Hervé*. Le démon des origines, démographie et extrême-droite. Editions de l'Aube, 1998.
- Le *testing*, une méthode expérimentale de mesure des discriminations à l'embauche // La note de veille. Centre d'analyse stratégique. № 48.
- Mauco, Georges*. Les étrangers en France, leur rôle dans l'activité économique. Paris. 1932.

- Noiriel, Gérard.* La tyrannie du national: le droit d'asile en Europe, 1793-1993. Paris, 1991; Brubaker, Rogers. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass, 1992.
- Rallu, Jean-Louis.* Les catégories statistiques utilisées dans les Dom-Tom depuis le début de la présence française // Population. 1998. № 3.
- Richard Jean-Luc.* Jeunes adultes fils et filles d'immigré(s), niveaux de formation et fréquence différente du chômage selon les origines nationales parentales: présomptions de discriminations à l'encontre des enfants d'immigré(s) africain(s) // Migrations société. 2006.
- Sauvy, Alfred.* Théorie générale de la population. Paris, 1954.
- Simon, Patrick.* Nationalité et origine dans la statistique française : les catégories ambiguës // Population. 1998. № 3.
- Simon, Patrick et Clément, Martin.* Comment décrire la diversité des origines en France ? // Population et sociétés, № 425, 2006.
- Statistique des différences ethnographiques de la population d'un État, comprenant leur influence sur le bien-être, les mœurs et la civilisation de la nation // E. Engel. (Dir.). Compte rendu général des travaux du Congrès international de statistique dans ses séances tenues à Bruxelles, 1852, Paris, 1855, Vienne, 1857 et Londres, 1860. Berlin, 1863. 274 p.
- Tribalat, Michèle.* Faire France. Paris, 1995.
- Ville, Isabelle et Guérin-Pace, France. Interroger les identités, l'élaboration d'une enquête en France // Population. 2005. Vol. 60. № 3.